

УДК [316.334.52 : 341.222] (477.61)

СПЕЦИФИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СИТУАЦИИ И ЖИЗНЕННЫЕ ПРАКТИКИ В ВОСТОЧНОМ УКРАИНСКО-РОССИЙСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Хобта Светлана Викторовна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко

В статье рассматривается специфика восточного участка украинско-российской границы. На основе данных "открытых" интервью, проведенных в Луганской области, показано, как изменения в институте государственной границы Украины повлияли на жизненные практики жителей приграничья.

Ключевые слова: украинско-российская граница, государство, граница, жизненные практики.

В статті розглядається специфіка східної ділянки українсько-російського кордону. На основі даних "відкритих" інтерв'ю, проведених в Луганській області, показано, як зміни в інституті державного кордону України вплинули на життєві практики населення прикордоння.

Ключові слова: українсько-російський кордон, держава, кордон, життєві практики

In the article is examined for the specific east Ukrainian-Russian border. This is examined on the basis of "open" interviews. Interviews were done in Luganska region. The author considers how changes in status of Ukraine state border had influenced on life practice of the local people of border areas.

Keywords: the Ukrainian-Russian border, state, border.

Граница – фундаментальная категория описания действительности. Общество, как и любая эмпирически конкретная реальность, не может существовать и мыслиться вне границ. Несмотря на активный процесс глобализации, человечество остается структурированным национальными государствами, хотя характеристики границ этих государств существенно меняются. Так, под влиянием мировых процессов, Украина, Беларусь и Молдова превратились в "приграничье Центрально-Восточной Европы" [1]. В странах постсоветского пространства проблема границ актуализировалась в связи со становлением государственной независимости. Это потребовало нового формата отношений с соседними государствами, изменило статус границы, привело к изменению ситуации в приграничье. Пересмотр сущности и функций границ на постсоветском пространстве проявляется в появлении нового направления исследований – теории пограничья [2]. Одной из ведущих тенденций в развитии социологического аспекта данной теории является вытеснение естественно-исторической методологии конструктивисткой. Все чаще граница понимается как социальный конструкт, зеркало социальных отношений, момент в формировании идентичности [2, с. 50]. При фокусе интереса исследователей на внутреннем опыте жизни в приграничье, восприятии границы и практиках действий, связанных с границей, используются преимущественно качественные стратегии исследования [3]. Это отчасти объясняет то, что "целостной теории Пограничья" не существует и ситуация в этом исследовательском направлении напоминает, скорее, ситуацию в современной культурологии или этнографии, где общая теория складывается преимущественно из отдельных "case-study" [2, с. 51]. Объектом нашего изучения выступает "случай" восточного участка украинско-российской границы в Луганской области. Восточная граница Украины с Российской федерацией в Луганской области имеет протяженность около 800 км. Соседями Луганской области в РФ являются Ростовская, Воронежская и Белгородская области.

Нашей целью было изучить, как повлияло переформатирование института государственной границы на жизненные и идентификационные практики населения приграничных территорий. При поддержке кафедры философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко и программы CASE было проведено исследование "Восток Украины: трансформация идентичностей в условиях приграничья". Объектом изучения выступили жители населенных пунктов районов Луганской области, которые непосредственно находятся на границе с Россией. В ходе проекта использовались такие методы, как фокусированные групповые интервью, раздаточное анкетирование [см.

5], массовый опрос и стандартизированные "открытые" интервью. Целью данной статьи является анализ результатов стандартизированных "открытых" интервью¹.

Первое, что нас интересовало, это то, как определяется ситуация границы, какие факторы выделяются для характеристики приграничья. Вопрос звучал следующим образом: "Ваш населенный пункт находится вблизи границы. Это как-то влияет на жизнь Вашего населенного пункта? На жизнь его жителей? Вашу жизнь?".

Практически все ответы начинались с отрицания влияния границы, узаказания на ее "незаметность" в повседневной жизни людей. Большинство респондентов первоначально говорили о том, что их жизнь не отличается от жизни других людей и что близость границы на их жизни никак не отражается. Граница обнаруживает себя в формальных процедурах при ее пересечении и воспринимается как препятствие, возникшее между близкими народами.

"То, что мы живем возле самой границы, мы замечаем, наверное, только тогда, когда едем из Луганска. Въезжаем в Новопсковский район и там находится такая табличка: "Внимание! Приграничный район". Наверное, для многих жителей нашего района именно эта табличка и напоминает о том, что мы живем в приграничье <...> Лично для меня это условность, как и для многих других, я думаю" [ж., 43, в., учитель, Белолуцк]².

"Когда действительно выехать из страны, там вот ощущается, что есть граница: там паспортный режим, там проверка, заполнение деклараций, вот. А вот, как бы сказать, в повседневных наших днях, мы, как бы, и не думаем о том, что у нас есть граница, и, как бы, даже не замечаем. Мы с ней не сталкиваемся как-то" [ж., 30, ср. спец., строитель, Троицкое].

Но, когда люди начинали рассказывать о своей жизни, обнаруживало себя и влияние, и специфика приграничья.

"А, с другой стороны, вот даэже сейчас, хотя мы живем с мирным государством Россией, близость границы немножко настораживает. Потому, что естественно, что здесь бывают вывозки через границу, занимаются люди контрабандой, занимаются они перевозками разных товаров" [ж., 56, ср. спец., пенсионер, Червонопартизанск].

"Потому что на границе всякое бывает. Допустим, захотел проскочить нелегально. Тут же начинаются разборки, переборки. Вплоть до того, что я слышала такое, что даже стреляют" [ж., 64, в., администратор в ДК, Краснодон].

Анализ интервью позволяет выделить два строя дискурса, в которых по-разному определяется граница: братских народов (советский) и автономного государства. Граница выступает в данном случае узловой точкой – тем знаком, вокруг которого упорядочиваются и приобретают значение другие знаки, такие, как "пересечение", "контрабанда", "обмен", "связи", "таможня", "пункт пропуска", "соседнее государство", "Украина", "Россия", а приграничье – тем социальным контекстом, в котором фиксируются, закрепляются определенные структуры значений. Доминирует дискурс братских народов. Народ соседней страны описывается как "дружественный", "братский", "единый", "соседский", "близкий", "славянский".

Для жителей приграничья ужесточение границы, связанное с независимостью Украины, превращает связь с друзьями и родственниками в проблему. Проводится мысль о необходимости сохранения и поддержания дружеских отношений, чего не делает действующая украинская власть. Ответы структурируются через описание жизни до появления границы и после. Для представителей старшего поколения граница – боль утраты единой страны – СССР, и значимой идентичности – советский человек, что фиксируется и другими исследователями (см. [5, с. 107]). Граница описывается в терминах "разрыва" и воспринимается, без преувеличения, трагически.

"Вы знаете, как будто отрубали одну руку. Поначалу мы как-то к этому делу шуточно относились. Думали: да ничего, мы все свои, рядом тут. <...> Большие изменения и притом в наших мыслях, в нашей душе – это трагедия даже. Ну, представьте, что жили вместе, а тут, раз тебе и, оказывается, ты по ту сторону, и ты не имеешь права проехать. Это надо пережить, надо привыкнуть. Может быть, будущее поколение привыкнет, но мы, мы – не можем привыкнуть. Нам это очень тяжело. Это переносим даже трагически в душе" [м., 56, ср. спец., преподаватель, с. Еирюково].

Таким образом, несмотря на то, что в новом статусе граница существует уже более 10 лет, процесс "принятия", привыкания к ней еще продолжается.

¹В ходе исследования было опрошено 22 человек. Выборка формировалась методом равных квот по признакам пола и возраста. Среди опрошенных: 7 человек с высшим образованием, 13 – со средним специальным; 2 – со средним; 12 городских жителей и 10 жителей села. В выборку попали жители Троицкого, Новопсковского, Беловодского, Станочного-Луганского, Краснодонского, Свердловского районов Луганской области. При цитировании дан язык оригинала.

²В скобках после цитат указан пол, возраст, образование, занятость и место жительства респондентов.

"Но люди, которые 10 лет прожили в одном государстве, у которых есть родственники в Российской Федерации, а у тех родственники находятся здесь, для них понять, что вот линия, это граница – это ничего не означает. Он всю жизнь ходил здесь, и ему ничего за это не было. <...> Через посадку ему перейти 3 километра, в круговую – ему километров 70 или 80. <...> Раньше вообще не призывали: "Да ты что! Я всю жизнь ходила и буду всю жизньходить. Ну и что, что ты прикордонник или пограничник. Хто ти такий для мене? Це – моя земля, я тут живу, по цьому яру насіку тут держжу" [м., 30, ср. спец., военнослужащий на границе, с. Можняковка].

Строй дискурса автономного государства в определении границы существует как область вытесняемого, отвергаемого.

"Понастраивали этих таможен, посты, пограничники. Появилось отделение пограничное" [м., 39, ср. спец., строитель, Краснодон].

"Сейчас понастроили не понятно для кого эти границы и устраивают обдираловку на этих границах, больше ничего" [ж., 64, в., администратор в ДК, Краснодон].

В конкуренции этих дискурсов проявляет себя наличие двух измерений границы: границы как условной линии и как контактной зоны. Политическая граница является условной линией. В этом случае граница отделяет территории с разными нормативными порядками и создает относительно замкнутые поля социальной регуляции [б, с. 48]. Будучи по природе неестественной, назначеннай³ [см. 7; 8], она обретает жизнь и объективную реальность благодаря инфраструктуре. Но реальные (исполитические) общности, такие, как этнические, не могут быть разделены четкими линиями. Они в качестве границ имеют "широкие контактные" [6] или "переходные зоны" [8]. Поэтому приграничье всегда маргинально, так как его элементы, одновременно входят в две или более соседние системы и/или находятся между ними. И. Бобков пишет: "Пограничье лежит по обе стороны от границы, и его топологический статус парадоксален: пограничье приобретает определенную целостность через факт собственной разделенности" (цит. по [2, с. 101]). Ввиду этого, для населения приграничья граница выступает как *border*-граница, то есть указывает на властный порядок, а не как *boundary*-граница, указывающая на существование социокультурных различий [2, с. 51]. Это приводит к формированию в пограничье двойных лояльностей, ощущения особой двупринадлежности [9, с. 51]. Специфику украинско-российского приграничья определяет чувство общности судьбы с Россией: общность истории, культуры, будущего; общее информационное пространство, интерес к России, информированность о ней; смешанная этническая структура, большое количество русских; русско-украинская речь (суржик), частое пересечение границы; особые человеческие качества (дружелюбие, внимательность, открытость, неагgressivность).

Необходимость частого пересечения границы заставляет вырабатывать в приграничье особые способы пресечения. Хотя респонденты и отмечают, что граница ужесточилась, "закрылась на замок", люди находят возможность сохранять старые, привычные способы пересечения границы или вырабатывают новые. Часто это превращается в некую игру с пограничниками.

"И мы сейчас, честно сказать, втихаря-то переходим. Там бабушка придет как-то через греблю, если пограничник не поймал. У нас уже дошло до того, что бабушка ходит возле ставка – рыбу ловит. Потому что ей надо перейти сюда! К внукум прийти, прийти к дочек. А не придешь! Потому что заставляют обходить, ехать на пропускной пункт, аж на Новошахтинск-Ростов. А туда, я Вам скажу, двадцать пять километров объезжать вокруг надо и платить надо." [м., 56, ср. спец., преподаватель, с. Бирюково].

"Чтоб сэкономить деньги с обеих сторон, они приезжают, встречаются на границе. На таможне. На таможне встретились, пообщались там, дитя передали. Внучку она забрала к себе на летние каникулы. И все. Чтобы меньше платить. Сын поехал обратно в Луганск, а они в Россию поехали" [ж., 51, ср. спец., предприниматель, Беловодск].

"А так, в основном, наш народ весь равно в Россию как-то умудряется, там вот дешевле, поехать что-то купить. <...> Идем по мосту, нас останавливают два в гражданском: "Вы куда?". Мы: "Та мы, нам надо в это самое, в Чертково" Они: "А паспорта?" Паспорта показали. Оказывается там уже контрольно-пропускной пункт. Надо через него проходить. Это они просто проверили, расспросили, разузнали все. Расспросили, зачем мы идем, на сколько. Мы сказали, что идем узнать расписание поездов. Вот так. На самом деле нам надо было в аптеку. Они нас, правда, пропустили. Там надо было оформлять. Но я не могу подробности сказать, потому что я это не оформляла. Там надо заполнять бланки, все такое. Пошли мы немножко скучиться, ну, знаете, как женщины скучаются?!: и то надо, и то... <...> Идем обратно. Вроде бы пакет. Но пакет такой уже – хорошенъкий пакет. Идем,

³. «Назначенные границы представляют собой, в смысле потенциальности, в части своей функции отделения одного от другого вне рамок предметного принципа, то, что никакого фактического разъединения они и не отмечают» [14]

естественно, и дрожим. Обратно. Но, правда, прошли. Прошли один раз, оставили этот пакет в машине. Прошли обратно еще раз" [ж. 51, ср.спец., предприниматель, Беловодск].

Большинство полулегальных действий связано тем, что граница нарушила привычные повседневные практики. Во время Советского Союза приграничные города и села были взаимно ориентированы. Часто жителям российского приграничья удобнее пользоваться инфраструктурой и сферой обслуживания украинских приграничных городов и наоборот. Например, социокультурная инфраструктура Ростовской области практически недоступна для жителей станицы Митякинской, поэтому за покупками ближе ездить в украинское село Пархоменко или Луганск.

Первой причиной полулегальных практик пресечения является стремление сэкономить время, решение повседневных забот. Второй – стремление использовать разницу в ценах. Использование разницы цен выступает как особая практика выживания в приграничье.

Надо сказать, что дискурс приграничья формируется респондентами как описание практик выживания, в особенности жителями сельской местности. В своих рассказах они противопоставляют советское прошлое и настоящее независимой Украины. Сложные социально-экономические условия настоящего воспринимаются как разрушение былого благосостояния.

"Так вот, там село тоже располагается возле Северского Донца – это Давыдовоникольск. Это там самые были богатые пахотные земли. Самый богатый был совхоз в Краснодонском районе. Было очень большое поголовье крутного рогатого скота. <...> Это сейчас руины. Если посмотреть фильмы про отечественную войну, фильмы про войну – одинаково. Все равно, что там прошла война: все разрушено, население, молодое население уезжает в города, уезжает в Россию работать" [ж., 62, ср.спец., старшая медсестра, с. Пархоменко].

Жизненные практики в восточном приграничье отличаются на севере и юге границы, а также зависят от типа населенного пункта. В городах юго-востока границы население занято в угольной промышленности. Монофункциональная структура хозяйства приводит к тому, что проблемы в угольной промышленности "разрушают" целые города. "Взять убрать шахты, то это просто мертвый город, такой, как сейчас Стаханов", – говорит один из респондентов о Краснодоне [м., 40, ср.спец., водитель, Краснодон]. Частный бизнес, в большей или меньшей мере связанный с контрабандной деятельностью, рассматривается как вынужденная мера – способ выжить. В социальной структуре выделяются шахтеры и контрабандисты. Именно на этом отрезке границы размах контрабандных перевозок особенно поражает. На севере границы о контрабанде чаще рассказывают из "вторых рук", но также называют "вид бизнеса".

Самый распространенный вид хозяйственной деятельности в приграничье – занятие сельским хозяйством: содержание подсобного хозяйства, работа на подрядах (у корейцев), фермерство. Содержание подсобного хозяйства является основной практикой выживания, так как все говорят о том, что они вынуждены содержать подсобное хозяйство, включая даже относительно преуспевающих людей. На севере границы – это основной вид деятельности.

"Чем занимаются жители? Просто выживают, можно сказать. У нас небольшие огороды <...> Единицы коров держат, в данный момент. Ну, может, десяток курей держат, и все. Больше никто ничего не держит. У город ездят. Вот за эти копейки стоят по морозу торгуют и за это живут" [ж., 50, ср.спец., пенсионер, с. Николаевка].

"А сейчас же время какое?! Хотя я не считаю, что мы живем бедно. Я вообще предприниматель. Есть своя точка торговая. Магазинчик. И все равно тяжелово это все. Невозможно вытянуть. <...> Поэтому уже как-то начинаешь крутиться, начинаешь обзаводиться хозяйством домашним, чем никогда не занимался. Это заставляет уже по неволе" [ж., 51, ср.спец., предприниматель, Беловодск].

Происходит развитие фермерского хозяйства, правда, это привело к тому, что количество рабочих мест в сельскохозяйственном производстве резко сократилось.

"...допустім у селі в нас, де раніше у тракторний бригаді було 75 тисяч чоловік трактористів, а сьогодні 15. Почему? Потому що пішла нова техніка, начались всевозможніє сокращення, це, допустім, вияснюється доволі просто. В цьому году, допустім, директор купив трактор імпортний. Він – один трактор, засіяв 1800 гектар, а остальні МТЗ засіяли 700" [м., 40, ср.спец., безроботний, с. Новороссошь].

Кроме этого, в сельской местности процветают откровенно хищнические, дикие, но хорошо организованные практики.

"...в населенных пунктах жизнь развивается, а в некоторых населенных пунктах 40 дворов, некоторые перестали существовать, в них нет ничего. И там полным ходом мародерство процветает, потому что люди выехали в более крупные населенные пункты жить, а дома-то, их дворы-то пооставались. Процветает то, что эти дворы разбирают и дома разбирают и найти крайних очень сложно, потому что приехали: налетели, разнесли и убежали, причем это делается оперативно, быстро, буквально за час или полтора" [м., 30, ср.спец., военнослужащий, с. Можняковка].

Розділ 2. Соціологічні дослідження проблем сучасного суспільства

Многие практики выживания жителей области связаны с соседней страной. Россия становится местом, где можно заработать на жизнь.

"...и пришлось мне выезжать именно за границу и работать в России, чтобы как-то поддерживать свою семью. Моя семья состоит из трех человек, у нас дочь учится в высшем учебном заведении. Для того, чтобы она закончила это высшее учебное заведение, естественно, нужно её финансировать. Поэтому мой муж, он работает на шахте, я работаю, занимаюсь торговой деятельностью. Вот, по долгу службы нам и приходится работать за границей" [ж., 56, ср.спец., пенсионер, Червонопартизанск].

"...я частенько езжу в Россию на заработки. Да и не только я. И члены моей семьи тоже. Мы ездим в Москву" [ж., 30, ср.спец., строитель, Троицкое].

Подчеркнем, что при всей близости России для респондентов, она рассматривается как "другое место". Люди себя идентифицируют с гражданами Украины. Различие "мы" и "они" в социально-политическом, экономическом, гражданском смысле – представлено достаточно четко ("наш язык", "наша земля", "наши поля", "наши товары", "наша страна", "наши новости" "наши политики", "их правила", "их гаишники" и др.). При всей близости, украинцы и русские – представители разных обществ, о чем свидетельствует постоянное сравнение реальности Украины и России.

Таким образом, для населения приграничья граница выступает как граница властных порядков, а не граница социокультурных различий. Подтверждением этого является то, что с обретением независимости Украины усиления защитной функции не произошло. Граница воспринимается как контактная зона. Смысл границы как средства разделения, линии защиты непонятен.

Переформатирование института государственной границы Украины повлияло на жизненные практики населения приграничных территорий. Привычные практики повседневности нарушены: одни перешли в разряд полуглавых, другие – полностью исчезли, третьи – адаптированы к современным институциональным требованиям. Возможно, это, а не ностальгия по советскому прошлому, определяет то, что интервью организуются через противопоставление прошлого и настоящего. Жизненные практики в восточном приграничье характеризуются как "выживание" и отличаются на севере и юге границы. На юго-востоке границы население занято в угольной промышленности. Здесь же распространена контрабандная деятельность. На севере основное занятие – сельское хозяйство. В целом жизненные практики на восточном участке украинско-российской границе в той или иной мере связаны с сельским хозяйством. Почти каждая семья содержит подсобное хозяйство, являющееся важным источником если не дохода, то пропитания. Многие жизненные практики жителей приграничья связаны с соседней страной, поэтому Россия для жителей приграничья постоянно присутствует как значимый "Другой".

ЛІТЕРАТУРА: 1. Программа Социальные трансформации в Пограничье (Беларусь, Украина, Молдова) // [Элект. ресурс]. Режим доступа: case@ehu.lt. 2. Бреский О. От транзитологии к теории Пограничья. Очерки деконструкции концепта "Восточная Европа" / Олег Бреский, Ольга Бреская – Вильнюс: ЕГУ, 2008. – 336 с. 3. Living (with) Borders: identity discourses on Easy-West Borders in Europe / editor Ulrike H. Meinhof – Birlington: Ashgate, 2002. – 149 p. 4. Хобта С.В. Образ "жителя пограничья": методика исследования и результаты / Хобта С.В. // Вісник ХНУ імені В. Н. Каразіна – 2010. – № 889. – С. 87–91. 5. Кись О. Границы времени и пространства: советский и национальный дискурсы в автобиографиях женщин Украины / Оксана Кись // Перекрестки. – 2008. – №2-4. – С.90-109. 6. Кононов И.Ф. Проблема границ и ее значение для социологии / И.Ф. Кононов // Методология, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наук. праць. – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2004. – С. 45-49. 7. Смит Б. Онтология границ / Барри Смит, Ахилле С. Варзи // [Элект. ресурс]. Режим доступа: http://nounivers.narod.ru/gmf/b_htm.htm. 8. Каганский В. Граница как позиция и предмет понимания / В. Каганский / [Элект. ресурс]. Режим доступа: <http://www.inme.ru/previous/Kagansky/Gr-refl>. 9. Хобта С.В. Восток Украины: трансформация идентичностей в условиях пограничья / Хобта С.В. // Перекрестки. - 2010.- № 3-4 — С.207-222.